

ихъ опущены книзу, въ рукахъ работа: или шитье оленьими жилами какой нибудь части костюма изъ оленьей шкуры, или вырѣзываніе изъ дерева ложекъ, табакерокъ, пороховницъ и т. п. Около пастуховъ собиравшихся на солончѣ, по готовя каждую минуту съ лаемъ броситься на слишкомъ отдѣлившіеся отъ стада оленя. А самъ владѣлецъ стада въ своемъ уютномъ чумѣ выливаетъ безкопечное количество чайпиковъ. Если наскучитъ ему эта идиллія, онъ заберется на соседній холмъ, высмотритъ въ пустынь сосѣда и мчится къ нему въ гости на тройкѣ своихъ оленей...

Но этотъ же самый ижемецъ, когда потребуютъ того обстоятельства, проявляетъ большую энергію, инициативу и способность ориентироваться въ опасности. И не вина ижемцевъ, если кругъ ихъ дѣятельности слишкомъ суженъ и эта народность не въ состояніи развернуть всѣхъ индивидуальных способностей своей націи, какъ это удалось сдѣлать родственному ей по крови народу, которому болѣе благосклонная судьба послала географическое сосѣдство съ культурной Швеціей...

Положительныхъ качествъ у ижемской народности немного. Прежде всего я останавлиюсь на ихъ нравственности и любви къ семейной жизни. Они гостепріимны и честно держатъ разъ данное слово. Но самымъ цѣннымъ положительнымъ качествомъ является отзывчивость ижемцевъ на культурныя начинанія. Въ этомъ отношеніи весьма характернымъ является одинъ фактъ, остановившій на себѣ вниманіе автора „Года на Сѣверѣ“ Максимова. Въ то время, когда на Сѣверѣ Россіи томная невѣжественная масса возстала противъ введенія картофеля и устраивала такъ называемые картофельные бунты,—ижемцы сами добыли его, занялись его разведеніемъ и ввели въ общее употребленіе по всей Почорѣ. Какъ ни мелоченъ этотъ фактъ, онъ все-таки свидѣтельствуетъ о прогрессивномъ складѣ ума этого племени.

Для развитія и приложенія къ жизни природныхъ качествъ ижемской народности необходимы учрежденія, предоставляющія возможность для самостоятельности населенія и главное—необходимы разумно поставленныя школы.

Есть полное основаніе утверждать, что при развитіи самостоятельности, для которой земскія учрежденія дадутъ достаточный просторъ, ижемская народность быстро пойдетъ по пути культуры и займетъ подобающее ей мѣсто въ томъ національномъ конгломератѣ, который объединяется въ словѣ „Россія“.

Николай Белдыцкій.

Отъ членовъ-корреспондентовъ А. Д. И. Р. С.

О тѣняхъ Поонежья.

Если вприсмотрѣться повнимательнѣе къ Сѣверу (въ тѣсномъ смыслѣ разумно Поонежье), то нельзя не замѣтить, что теперь онъ переживаетъ тяжелый кризисъ. Старыя вѣрованія, идеи, взгляды, словомъ, все старое міросозерцаніе разрушается подъ вліяніемъ запесенныхъ изъ города обычаевъ. Скучная почва выпуждаетъ сѣверянину искать себѣ заработка на чужой сторонѣ, въ „Питерѣ“. Но этотъ заработокъ, обыкновенно находимый въ изобиліи энергичными и трудолюбивыми мужиками, познакомилъ Архан-

гельскую деревню съ молодою, которая заразительно подѣйствовала на весь народъ, петронутый никакимъ вѣшнимъ вліяніемъ съ удѣльно-вѣчевыхъ временъ. Отъ соприкосновенія архаическаго міровоззрѣнія съверянъ съ городскою, весьма часто ложною, образованностью, происходитъ переломъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ, причемъ онъ отзывается на всемъ быту крестьянина. Мода особенно пагубно отзывается на населеніи. Даже самыя бѣдныя дѣвушки выбиваются изъ силъ, чтобы имѣть шелковыя платья для выполненія празднаго ритуала. Прѣжняя патріархальная жизнь значительно измѣнилась; уже въ нѣкоторыхъ зажиточныхъ домахъ „казачиха“ (работница) не имѣетъ позволенія садиться за общій столъ. Даже разговоръ, сохранившійся здѣсь въ петронутомъ видѣ, чуть ли не со временъ Марьи Борецкой, пачалъ нѣсколько мѣняться; прѣжнее произношеніе на „о“ начинается замѣняться умышленнымъ „а“-каньемъ; прѣжніе архаизмы вытѣсняются неологизмами.

Но ни въ чемъ такъ не замѣтенъ переживаемый Съверомъ кризисъ, какъ въ пѣсняхъ, которыя отражаютъ на себѣ духъ народа. Со школьной скамейки изучаемъ мы значеніе народныхъ пѣсенъ, а между тѣмъ онѣ все болѣе и болѣе изсякаютъ изъ памяти того народа, который ихъ создалъ. Въ средней полосѣ Россіи весьма рѣдко можно услышать архаическую пѣсню; разные романсы, солдатскія пѣсни, исковерканныя стихотворенія классическихъ поэтовъ, въ родѣ „Узника“ Лермонтова или „Черной шали“ Пушкина, вотъ что замѣнило живое народное творчество. На Съверѣ въ данное время замѣчается также переломъ въ пѣсняхъ; старое еще не совсемъ забыто, новое не успѣло привиться вполне. При выполненіи старыхъ обрядовъ, въ особенности при свадебномъ ритуалѣ, поются древнія народныя пѣсни, въ которыхъ заключается истинная народная поэзія, глубокое содержаніе, безыскусственная простота, и лишь мотивы до крайности монотонны; недаромъ сказалъ Пушкинъ:

.....Всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта
Мы всѣ поемъ уныло.

При святочныхъ гаданьяхъ, при нѣкоторыхъ играхъ, при обрядовыхъ гуляньяхъ, напримѣръ, въ храмовые праздники, когда бывають, такъ называемые, „лугъ“ и „почпал“, также поютъ хоровыя старинныя пѣсни. Но въ повседневномъ быту, за работой, въ дорогѣ, на качеляхъ, а также при маломъ стеченіи пѣвицъ, старыя длинныя пѣсни не поются совершенно, ихъ замѣняютъ или книжныя романсы или, такъ называемые въ средней полосѣ Россіи, „частушки“, состояція въ большинствѣ случаевъ изъ рифмованныхъ четверостишій. Вотъ эти-то „частушки“ постепенно замѣняютъ пышныя перлы народного творчества. Онѣ въ большой модѣ, и что бы ни дѣлала дѣвушка,—точить ли косу, коплетъ ли гряды, плететъ ли вѣнки,—она безъ устали горланитъ „частушки“, которыхъ въ ея памяти хранятся цѣлыя тысячи. Она поетъ безсознательно, черезъ нѣсколько секундъ забывая, что пѣла. Такъ вѣдаются въ плоть и кровь дѣвушки незатѣйливыя частушки. Въ противовѣсъ архаическимъ пѣснямъ, отражающимъ духъ народа и годнымъ лишь для хорового пѣнія, „частушки“ нѣрѣдко отражаютъ лишь духъ индивидуума; поэтому случается, что одна „частушка“ противорѣчитъ другой; содержаніе многихъ изъ нихъ исчерпывается любовными воздыханіями, скорбью о тяжелой женской участи и о злобѣ дня, при чемъ „частушка“, какъ отраженіе личнаго настроенія пѣвицы, болѣе годится для одиночнаго пѣнія. Многія „частушки“ совершенно безосодержательны, весьма часто имѣютъ мѣстный характеръ и отно-

сятся къ тѣмъ или инымъ, извѣстнымъ въ округѣ, лицамъ. Почти каждая деревня имѣетъ свои особыя „частушки“, неизвѣстныя другимъ деревнямъ. Нечего и говорить, что со стороны старухъ, хранительницъ преданій старины, „частушки“ встрѣчаютъ самое непріязненное отношеніе.

Жаль, до глубины души жаль, что это новое народное творчество, возникшее подъ вліяніемъ городской образованности, лишено прежней силы, поэзіи, глубины мысли; оно весьма слабо отражаетъ духъ и бытъ народа. Тѣмъ нагляднѣе замѣтно ничтожество „частушекъ“, что онѣ легко сочиняются, легко усваиваются и еще быстрѣе забываются; слѣдовательно, онѣ подвержены дѣйствию перемѣнчивой моды и недолговѣчны. Ихъ ничтожество вытекаетъ также изъ того, что онѣ не связаны ни съ какими обрядами, въ противовѣсъ архаическимъ пѣснямъ, устойчивость которыхъ нарушилась съ уничтоженіемъ или сокращеніемъ древнихъ обрядовъ. Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и старая народная пѣсня совершенно забудется даже въ лѣсахъ Сѣвера; такъ что, если бы не наука, заботливо собирающая и записывающая пѣсни русскаго народа, онѣ легко могли бы быть утерянными для потомства.

Однако, вникая въ содержаніе нѣкоторыхъ „частушекъ“, можно подмѣтить въ нихъ кой-какую суть; часто безсмысленныя, въ иныхъ случаяхъ онѣ довольно сжато и мѣтко характеризуютъ тѣ или иные стороны сѣвернаго быта. „Казачиха“, напр., т. е. работница, такими словами выливаетъ досаду на свою горькую участь:

„Казачихи бѣдныя!
У нихъ колечки мѣдныя,
Врошки оловячныя,
Хозяйки окаянныя.

Всѣмъ извѣстна цѣломудренность сѣверныхъ дѣвицъ; но крайней мѣрѣ, до массоваго ухода на заработки, о развратѣ не было никакого помяну. Поэтому дѣва-сѣверянка смѣло распѣваетъ:

„Не мани, милой, на улицу —
Не выманишь меня;
Я не глупенькая дѣвушка,
Не выпила вина.

Проводивъ своего милаго друга, „прихихеньку“, на заработки въ „Питеръ“, дѣвица въ такихъ словахъ выражаетъ свое горе:

„Проводила — скучно стало!
Стою, плачу у вокзала,
У машины паровой.
Воротись, мой другъ, домой!

Всѣмъ извѣстна обычная доля замужней крестьянки. Поэтому бракъ является для нея далеко не радостной перспективой, и дѣвчья пора кажется ей благодатью; объ этомъ сѣверянка такъ распѣваетъ:

„Пѣсни пой, пока поется:
Выйдешь замужъ — не придется,
Не придется пѣсень пѣть,
Придется горя потерпѣть.

Или:

Не ходите, дѣвки, замужъ:
Не завидна будетъ жизнь,
На гулянье не отпускать,
Только скажутъ: спать ложись!

Но не отъ дѣвушки зависитъ, идти или не идти замужъ. Это дѣло не ея, а родителей; очень часто она даже не знаетъ, куда ее просватали, и

за милаго или за пemiлаго—объ этомъ ее не считаютъ пужнымъ спрашивать. Она только можетъ обратиться съ вопросомъ къ Перелетнымъ птичкамъ.

Голубочекъ сизенькій!
Снеси поклончикъ низенькій.
Голубушка крылатая,
Скажи, куда просватана.

Такими пѣсенками характеризуютъ сѣверныя дѣвицы свои душевныя настроенія въ различныхъ случаяхъ жизни. *)

И. Калининъ.

Изъ жизни карель.

Не мало утолковъ въ пограничной Карелии, гдѣ населеніе добываетъ себѣ средства къ жизни посредствомъ разносной торговли.

Выпалъ первый снѣгъ. Скудный урожай хлѣбовъ собранъ и обмолоченъ. Глава семейства съ двухпудовой сумкой на плечахъ идетъ къ своимъ сосѣдямъ, финнамъ, наживать деньги. Нелегко этотъ трудъ. „Да“, говорятъ старики, „цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ мы носили такія сумки. Вотъ теперь плечи и спина болятъ. Впередъ знаешь, какая будетъ погода. А наживешь всего-на-всего, бывало, только на хлѣбъ прокормить семью лѣто. Затѣмъ опять идешь торговать“. Спросишь у нихъ: „отчего же бы намъ не жить такъ, какъ живутъ финляндцы?—вѣдь земля у нихъ не лучше да и луговъ нѣтъ“.—„Правда, мѣстность у насъ одинакова, пожалуй, еще лучше, чѣмъ въ Финляндіи, но дѣло въ томъ, что намъ недосугъ поля пахать и чистить сѣнокосъ: почти все время мы находимся на заработкахъ. Своего хлѣба намъ хватаетъ всего на четверть года и то не у каждаго. Поневолѣ приходится вѣчно бродяжничать по чужой странѣ. Думаешь это намъ нравится?... Нѣтъ, вы бы лучше спросили у насъ, почему мы живемъ хуже финляндцевъ? Тамъ выгодно заниматься земледѣліемъ, потому что есть куда продать всякіе продукты, и поѣзжай, куда угодно, во всякое время года. А у насъ или ѣшь все самъ, или отдавай за безцѣнокъ. Самъ знаешь, какія у насъ дороги. Про образованіе и говорить нечего. Давно-ли здѣсь начали строить школы?—Совсѣмъ не то у финновъ; у нихъ даже женщины и тѣ грамотны; всѣ читаютъ книжки и газеты. А къ намъ никакая и почта не ходитъ.

Что дѣлать, въ концѣ концовъ повѣришь такимъ вѣскимъ доводамъ въ пользу отхожихъ промысловъ и оставишь карель въ покоѣ, т. е. перестанешь говорить съ ними касательно домашней жизни и увеличенія сельскаго хозяйства. Трудно живетъ кареляку, и не даромъ онъ жалуется въ своей пѣснѣ:

Труденъ мой путь и тяжелъ,
Вѣчно скитаться съ сумой.
Нѣтъ мнѣ покою ни ночью, ни днемъ—
Ходить и кормиться копейкой чужой.
Что же мнѣ дѣлать?
Мой жребій такой,
Не видать мнѣ счастья въ жизни своей.

А. Поповъ.

Домашняя жизнь, нравы и нѣкоторые обычаи поморовъ.

Мнѣ пришлось бывать въ Поморѣ отъ Кеми до Онеги и обратно нѣсколько разъ и наблюдать жизнь поморовъ. По моему убѣжденію, все это

*) Всѣ, вышеприведенныя пѣсни, записаны въ деревняхъ Турчасовской волости, Онежскаго уѣзда.